

Виолетта и Клавдий шли, не обменявшись ни единым словом, и место назначения оказалось именно таким, как Виолетта и ожидала.

Дверь, которая была красиво украшена, хотя это всё ещё было в пределах школьной территории, слишком показной до такой степени, что это было бесполезно. Но с другой стороны, это была подходящая внешность, чтобы передать, что владелец этой комнаты был одновременно президентом студенческого совета, который правил в верхней части студентов, а также частью Королевской семьи, которая сидела на вершине Графства.

Когда он открыл дверь, это была великолепная комната, точно такая, какой представляла себе Виолетта.

- Что ты хочешь выпить?

- ...Чёрный чай, можно мне с молоком?

- Принесите его.

После того как Клавдий позвал прислугу с одеждой дворецкого, который ждал у стены, дворецкий немедленно поклонился и вышел из комнаты.

Эта комната была салоном, принадлежащим студенческому совету. За задней дверью находилась комната студенческого совета, куда входили только члены и учителя. Количество людей, которые могли войти в эту комнату, было ограничено, и ходили слухи, что только несколько дворецких, которые прошли критерии студенческого совета, и люди, которые были одобрены студенческим советом, могли использовать эту комнату. На самом деле, правило было не таким уж строгим, но вопрос об официальной позиции был негласным соглашением между всеми студентами.

Поскольку члены студенческого совета привлекали к себе внимание, как хорошо, так и плохо, это было место, где они могли расслабиться, хотя бы немного. Не было никакого смысла увеличивать количество людей, которые входили и выходили, поэтому только люди, которые имели напыщенный титул публично, могли войти в эту комнату.

Это правило было настолько простым, что не представляло проблемы, даже если бы одна из учениц, Виолетта, вошла в комнату. Это было особенно верно, так как она пришла вместе с Клавдием, президентом студенческого совета.

- ..Ты тоже можешь сесть.

- Тогда извините.

Клавдий предложил ей сесть напротив, и Виолетта тоже опустилась на красную подушку.

Мягкость, которая приятно обволакивала её, заставляла Виолетту чувствовать себя в безопасности до такой степени, что она могла забыть, что это место всё ещё находится в школьном здании.

Виолетта расправила юбку, чтобы та не помялась. Она сидела одна на диване, который был такого размера, что даже если бы на нём сидели два человека, всё равно оставалось бы немного места. Клавдий, сидевший перед ней, тоже сидел в центре такого дивана.

После недолгого молчания послышался лёгкий шум служебного фургона, везшего чёрный чай. К нему примешивался запах сладкого молока и ароматного кофе.

- Отойди, пока я тебя не позову.

Клавдий велел дворецкому, который аккуратно расставлял напитки на столе, подождать снаружи, и дворецкий вышел, не сказав ни слова. Несмотря на то, что его невыразительное лицо выдавало немного неприятное настроение, сотрудники всей этой школы реагировали в соответствии с ситуацией, в которой они находились. В местах, где было много людей, таких как столовая, им было важно улыбаться как можно больше, а в местах с высокой конфиденциальностью, таких как этот салон, им было важно стереть свою человечность как можно больше. С тех пор, когда кто-то хотел поделиться своими секретами, они должны были убедиться, насколько свободны были уста работодателей, и о том, будут ли какие-либо проблемы, если кто-то другой узнает об этом.

В комнате слышалось только дыхание двух человек. Молчание продолжалось.

Но сердце Виолетты колотилось так сильно, что она слышала его даже в ушах. Ощущение давления заставило исчезнуть температуру её пальцев, а грудь стала неприятно горячей.

Виолетта боялась, что не сможет удержать чашку, так как не могла достаточно хорошо двигать пальцами, поэтому вместо этого она наслаждалась температурой горячего чая с молоком, обхватив чашку обеими руками. Она чувствовала себя немного спокойнее, если наполнит пересохший от волнения рот сладким вкусом молочного чая.

Казалось, что не только Виолетта, но и Клавдий, сидевший перед ней, думал то же самое.

Клавдий отпил из чашки кофе, вернул чашку, в которой ещё оставалось немного кофе, на блюдце и уставился на Виолетту.

- Прости, что вызвал тебя так внезапно.

- Нет, тебе не о чем беспокоиться. В конце концов, это твоя просьба, Клавдий-сама.

Никто не мог отказаться от приглашения принца без веской причины. Даже если бы была

причина, они всё равно должны были бы отдать предпочтение принцу.

В этом отношении она не изменилась, независимо от того, какие намерения были у Клавдия. Хотя он и считал, что это не имеет большого значения, но для других это было “требование принца”, которое было самым важным для них. Это не было исключением даже для Виолетты, которая была дворянкой.

Предыдущая Виолетта пришла бы в восторг от того, что Клавдий позвал её, и, вероятно, она бы с радостью последовала за ним, не чувствуя себя сбитой с толку и обеспокоенной, как сейчас.

Хотя Виолетта говорила о себе, теперь, оглядываясь назад, она понимала, что вела себя возмутительно. Ей ещё раз напомнили, что важно иметь объективную точку зрения.

Тут Виолетта вдруг заметила это и вспомнила свои собственные слова.

Для неё то, как она вела себя с Клавдием раньше, было чем-то из более чем годичной давности, но для Клавдия это было что-то, что произошло совсем недавно. Даже если бы время повернулось вспять и она пожалела обо всем, то, что было сделано до сих пор, уже нельзя было бы изменить.

Клавдий, должно быть, заподозрил, что отношение Виолетты изменилось, и он ни за что не почувствовал бы облегчения.

Единственное, что изменилось, - это душа Виолетты, а Клавдий ничего об этом не знал. Для него Виолетта всё ещё была раздражающей женщиной, которая выбилась из его милости.

И для Клавдия просить разговора с таким человеком было уже страшно, просто подумав, в какое плохое русло это может повернуться.

Даже при том, что Виолетта испытывала к Клавдию такие неприязненные чувства даже при обычных обстоятельствах, у неё хватало ума подумать о том, где она сейчас находится, и даже если она чувствовала себя очень озадаченной, её лицо всё ещё оставалось её обычным беспечным взглядом.

- Как я и думал, ты совсем другая.

- ...А?

Хотя Виолетта и гадала, какое выражение лица и тон голоса будет у Клавдия, когда он начнет оскорблять её, его голос оказался неожиданно приятным, а на лице появилась горькая улыбка.

Он отличался от острых глаз и голоса, полного дискомфорта, которые он всегда обращал к

Виолетте до сих пор.

Как будто он испытывал беспокойство, но не только это... в его голосе звучало облегчение, как будто он что-то понял.

- Ты сейчас... не испытываешь ко мне никаких чувств.

<http://tl.rulate.ru/book/20460/754684>